

ДОГМАТИКИ И ПРАГМАТИКИ В КРЕМЛЕ

Власть подчиняется тому же закону, что и физиология — здесь аппетит тоже приходит во время еды. Укрепившись у власти, Брежнев произвел постепенную передвижку ее — от расширенного для обезличения Политбюро к двум подсобным органам: к Секретариату ЦК и Секретариату генерального секретаря. К 60-летию советского режима и к 13-летию своего избрания на пост генсека Брежнев обеспечил себе большинство и в Политбюро и в Секретариате ЦК, а свою техническую канцелярию превратил во „Внутренний кабинет”. Все это происходило в условиях углубления внутренних и международных противоречий, из-за которых перед Кремлем встали прямо-таки головоломные проблемы: сузить или расширить „разрядку”, подписать или отвергнуть Соглашения в Хельсинки, отмежеваться от еврокоммунизма или использовать его? Каждая из этих проблем задевала „святое святых” режима: субстанцию господствующей идеологии. Ведь в конечном счете речь шла о перспективах, с одной стороны, *хозяйственного возрождения* страны на основе западных кредитов, техники и технологии, а с другой, — об *идеологической переориентации* режима в плане большей толерантности, терпимости как вовне, так и внутри СССР (например, по отношению к диссидентскому и религиозному движениям), и признания сосуществования двух идеологий — коммунизма и западной демократии, — как этого давно

требуют французский президент и ныне проповедуют еврокоммунисты.

Думать, что у руководящего коллектива Кремля существует единодушие по всем этим проблемам, значит всерьез допускать, что в Кремле сидят не политически мыслящие люди, а автоматы для голосования, вроде тех, которые сидят в Верховном Совете. На Западе часто спекулятивно применяют к советской структуре власти чисто западные категории: мол, и в Кремле тоже есть свои „голуби” и „ястребы”. Ничего подобного, конечно, не было и нет. Но в Кремле несомненно есть государственники-прагматики и идеологи-догматики. Пока политическое развитие внутри и вне страны не ставило серьезных проблем, прагматики и догматики дружно шагали вместе, не было ни больших споров, ни пустых треволнений. Все были согласны в том, что не надо больше тревожить „культ Сталина” („ведь все мы обязаны только Сталину”), наоборот — надо заклеить „волюнтаризм” Хрущева („ведь все мы страдали от него”); не надо провоцировать атомную войну, но надо вооружать армии для локальных войн; надо кричать о разоружении, а самим вооружаться до полного достижения превосходства советского ракетно-атомного оружия на суше, на воде и в воздухе и на всех континентах.

Однако очень скоро выяснилось, что материальные возможности СССР не бездонны и напряжение сил народа начинает достигать предела терпимого (ведь все-таки не сталинское время). Поэтому надо искать дополнительные *источники финансирования вооруженных сил* у жадных на прибыль западных капиталистов (Ленин: „Мало буржуазию побеждать, надо ее заставить на нас работать...”). Короче: надо советское военное хозяйство строить руками западных капиталистов.

В Кремле, конечно, знали, что это легче сказать, чем сделать. Западные правительства снимают или налагают эмбарго на экспорт техники и технологии, гарантируют предоставление кредитов частными банками в зависимости от того, насколько Советы готовы идти навстречу западным требованиям по всему циклу спорных вопросов, начиная с разоружения и кончая Хельсинки. В конечном счете речь идет о приоткрытии „железного занавеса” на обе стороны хотя бы в той мере, в какой это практикует коммунистическая Югославия, ни на йоту не переставая быть страной коммунистической диктатуры.

Мне представляется, что вот как раз по упомянутым проблемам и проходит сейчас водораздел между практиками-прагматиками (Кириленко, Устинов) и теоретиками-догматиками (Суслов, Пономарев) в партийном руководстве. Самим ходом событий, как и логикой внутрипартийных интриг, оба эти крыла в руководстве — прагматическое и догматическое — оказались сейчас противопоставленными друг другу. Как тенденции оба взгляда существовали в высшем руководстве еще со времени Хрущева, но как только они сталкивались в практической политике, побеждали догматики (жертвой которых стал и сам Хрущев). Сейчас, однако, речь идет не о столкновении двух тенденций, а о борьбе *двух линий в политике*, в которой на стороне догматиков стоит мертвая латынь — марксизм-ленинизм, а на стороне прагматиков — насущные интересы государства.

Прагматики — подлинные циники, для которых марксизм-ленинизм служит не для открытия каких-то абсолютных истин, а для прикрытия их повседневных действий. Другое их преимущество — они

не рабы теории, которой они, собственно, и не знают, ибо не читали ни „Капитала” Маркса, ни „Диалектики природы” Энгельса, ни собрания сочинений Ленина. Весь их марксизм-ленинизм укладывается в школьный учебник обществоведения, который менялся каждый раз, когда менялась „генеральная линия”. Пока прагматики учились управлять партией и государством, они все еще подчинялись вето, которое накладывали с позиций марксизма-ленинизма теоретики-догматики на всякую их творческую инициативу („реформы” Косыгина), но сейчас положение несколько меняется. Практики не могут не видеть, что догматические оковы Сусловых с их курсом на изоляцию СССР от внешнего мира тормозят успешное развертывание научно-технической революции, а их абсолютная нетерпимость ко всяким реформам еще более увеличивает технико-экономическую дистанцию между СССР и Западом. Ведь СССР — единственная индустриальная страна, которая экспортирует не промышленные изделия, а сырье и полуфабрикаты (блестящее исключение здесь — экспорт оружия).

Мы сейчас присутствуем при первых, правда, все еще робких признаках понимания прагматиками создавшегося положения. Но поскольку сама партия все-таки партия идеологическая, то прагматикам пришлось принять на первых порах определенные организационные меры для лишения патентованных идеологов их монопольного положения интерпретаторов марксизма-ленинизма. Иначе говоря, создать противовес ведущим идеологам (как это сделал Сталин, выдвинув Суслова в 1947 году в противовес Жданову, и Хрущев, выдвинув Ильичева в противовес тому же Суслову в 1961 году). Суслов — крепкий идеологический орешек самого высоко-

го сталинского класса. Говорят, что после свержения Хрущева ему предлагали пост первого секретаря ЦК, но он категорически отказался. Он не любит громких фанфар, внешних почестей и торжественных сцен. Он закулисных дел мастер. Он идеологический жрец самой богини — партии. Он оберцензор всей духовной продукции страны вот уже тридцать лет, в частности, постоянно подвергал цензуре импровизированные речи многословного Хрущева (поэтому его речи по радио расходились с официальным текстом в печати). Эту же роль он выполняет и при Брежневе. Для партийного руководителя нет большего грехопадения, чем нечаянно наговорить какую-нибудь антимарксистскую „ересь” (один раз Суслов поймал на такой „ереси” касательно „основ социализма” министра иностранных дел Молотова, за что Молотов получил выговор от ЦК, другой раз Ульбрихт поймал самого Суслова, приписавшего в постановлении ЦК антиленинскую цитату самому Ленину, за что Суслов... выгнал заведующего пропагандой ЦК Степакова). Поэтому теоретически беспомощным лидерам, в большинстве своем бывшим инженерам, в своих же интересах приходится прибегать к помощи сусловской цензуры. Однако и сам шеф-идеолог партии Суслов не блещет ни особым талантом, ни большой эрудицией. Он — гениальный начетчик от марксизма. Этого вполне достаточно, чтобы он мог сказать — *что можно и чего нельзя* делать с точки зрения марксизма-ленинизма. В этом качестве он просто незаменим в аппарате ЦК. Поэтому, когда в ЦК четыре раза менялось высшее руководство и поголовно менялись все секретари ЦК, один лишь Суслов оставался бессменным. Нет у него и личной жизни — „все человеческое ему чуждо”. Поэтому мы никогда не видели его на коллектив-

ных попойках вождей, даже у Сталина. За границу он ездит по необходимости, но детей своих туда не пускает (Суслов — Аллилуевой: „Мои дети сами не хотят ездить за границу”). Он — единственный аскет в партии, которая давно обуржуазилась. Он же и убийца творческой мысли в партии. Свою собственную узость, начетничество и творческое бесплодие он возвел в ранг партийного закона для всех теоретиков. Отсюда невероятная серость их писаний.

Ежегодно выходят сотни книг, ежемесячно — тысячи журнальных „исследований”, ежедневно — десятки тысяч газетных статей, посвященных „дальнейшему развитию марксизма-ленинизма”, но нигде в них вы не найдете ни одной свежей мысли, ни одного оригинального вывода. Авторы, среди которых, несомненно, много талантливых людей, как бы соревнуясь между собою, в угоду Суслову, оспаривают друг у друга рекорды по части скуки и бездарности своих произведений. Это им удастся на славу. Вот почему уход со сцены Суслова явился бы историческим событием, предвещающим начало новой эры духовного раскрепощения страны. Лишь уход Суслова сделал бы и самого Брежнева генсеком на деле. Похоже на то, что уже сейчас Суслову готовится смена. Это видно из того, что Брежнев начал создавать свой собственный идеологический аппарат из своих личных ставленников. Так, Брежнев назначил Тяжельникова начальником Отдела пропаганды ЦК КПСС, Зимянина — секретарем ЦК по вопросам идеологии (как противовес Суслову), Русакова — секретарем ЦК по социалистическим странам вместо сусловца Катушева; Кириленко уже ряд лет курирует (как противовес Пономареву) компартии Запада; Черненко назначен секретарем ЦК и кандидатом в члены Политбюро по вопросам теории и

практики партийного строительства (как противорес ставленнику Суслова — Капитонову); Афанасьева сделали главным редактором „Правды”.

Вторым шагом Брежнева было неофициальное лишение Суслова его монопольного положения ведущего теоретика партии. Вышеупомянутые идеологические помощники Брежнева провозгласили самого генсека ведущим и единственным теоретиком партии, „продолжателем дела Ленина”. Идеологический аппарат Суслова явно старался саботировать рождение новой легенды, за что брежневцы отомстили Суслову самым наглядным образом. Так, в день своего 75-летнего юбилея Суслов не только не получил ожидаемого им в третий раз отличия — звания Героя социалистического труда, но не получил даже высшего ордена страны — ордена Ленина (ему дали лишь второстепенный орден). Но это не все. Текст адресованного ему от имени ЦК, Верховного Совета и Совета Министров пять лет тому назад (в день его 70-летия) приветствия подвергли теперь значительным коррективам (ведь в таких случаях каждое слово взвешивается на микроскопических весах партийного протокола). Предыдущий текст начинался словами: *„На протяжении всей своей деятельности, на всех постах партийной и государственной работы...”* Суслов отдаст все свои силы служению коммунизму („Правда”, 21.11.72). В приветствии к 75-летию Суслова это столь важное вступление целиком вычеркнуто. Тут Суслов стал жертвой не слабой памяти новых протоколистов ЦК, а их злопамятности. Но какая последовательность, граничащая с вызовом! То, что новые протоколисты Брежнева вычеркнули из приветствия Суслову, они уже внесли раньше в текст приветствия на имя Кириленко к его 70-летию („Правда”, 8.9.76).

Вообще говоря, вокруг даты 70-летия Кириленко происходили некоторые события, свидетельствующие о том, что идеологический аппарат Суслова старался обойти эту дату без больших торжеств. 8 сентября 1976 года постановили наградить Кириленко орденом Ленина и присвоили ему звание Героя социалистического труда, однако никаких собраний по этому поводу не устраивали. Но странное дело — прошло пять недель, уже забыли о юбилее Кириленко, а Брежнев устраивает 14 октября торжественное заседание Политбюро, Секретариата ЦК и Президиума Верховного Совета по вручению наград и празднованию рождения Кириленко (заметим, что Кириленко был членом секретариата Днепропетровского обкома, когда там первым секретарем был Брежнев).

Вот как раз на этом торжественном акте и выяснилась его истинная цель — Кириленко превратил свой праздник в „коронацию” Брежнева в качестве нового „вождя партии и всех народов”. Слово „вождь” после Сталина было табу. Оно, казалось, было изгнано навсегда из партийного лексикона. На его месте фигурировала формула „руководители партии и правительства” — как выражение духа „коллективного руководства”. Теперь Кириленко впервые нарушил этот установившийся порядок. Он выдвинул новую доктрину: в лице Брежнева мы имеем не просто генсека, а нового вождя с „человеческим лицом”! Вот его слова: „Партия и народ любят тебя, Леонид Ильич, за твою человечность и сердечность, за твою мудрость и безграничную преданность ленинизму. Весь твой жизненный путь, твоя мудрость и талант дали тебе возможность собирать и воспитывать в себе такие драгоценные качества партийного и государственного деятеля, ко-

торые присущи только великому человеку нашего времени, *вождю нашей партии и всех народов нашей Отчизны*” („Правда”, 15.10.76; выделено мною. — А.А.).

Казалось, что дан новый лозунг: „Брежнев — вождь партии и народов”, каждое слово которого, как и при Сталине, должно стать законом в теории и практике советского государства. Но этого не случилось. К удивлению непосвященных, новый лозунг не привился. Видно, сусловцы этому воспротивились. Поэтому 18 декабря 1976 года, накануне празднования 70-летия Брежнева, в обращенном к нему приветствии от имени ЦК, Совета Министров и Верховного Совета, вопреки ожиданию, совершенно отсутствует формулировка Кириленко (о вожде партии и народов). Вместо этого в приветствии сказано, что он лишь „верный сын советского народа” и „выдающийся деятель партии”. Даже „дальнейшее развитие марксизма-ленинизма” в его эру приписано не ему, Брежневу, а самой анонимной партии. Брежнев только внес сюда свой вклад. В казуистической форме эта идея выражена так: „Велик Ваш личный вклад в дальнейшее творческое развитие *партий* марксизма-ленинизма” (выделено мною. — А.А.).

Между тем из истории партии мы хорошо знаем, что „дальнейшее развитие марксизма-ленинизма” — прерогатива исключительно самого вождя (Ленин, Сталин, Хрущев). Почему же Брежнев, который, по свидетельству той же партийной пропаганды, превосходит по своим деяниям Сталина и Хрущева вместе взятых, лишен этой привилегии? Через год Академия наук СССР внесла полную ясность в вопрос, который казался неясным авторам приветствия Брежневу. Она наградила Брежнева Золотой

медалью Карла Маркса — „за выдающийся вклад в развитие марксистско-ленинской теории, в научную разработку актуальных проблем развития социализма и всемирно-исторической борьбы за коммунистические идеалы” („Правда”, 17.11.77). Вручая Брежневу медаль, президент Академии А.П.Александров заметил, что теоретический вклад Л.Брежнева в учение Маркса и Ленина не только выдающийся, но и „исключительный”.

Едва ли Суслов, награжденный ранее этой же медалью как единственный теоретик партии, был в числе инициаторов награждения Брежнева. Красно-речивое свидетельство тому — протокол церемонии вручения медали. На этой церемонии от ЦК присутствовали только личные ставленники генсека: кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК К.У.Черненко, секретарь ЦК по вопросам идеологии М.В.Зимянин, заведующий Отделом науки и учебных заведений ЦК С.Н.Трапезников. Таким образом, на торжествах „коронации” единоличного теоретика партии — Брежнева, — которым „Правда” посвятила почти всю первую полосу (снабдив ее большой фотографией участников с Брежневым в центре), „блистал своим отсутствием” Суслов, хотя по протоколу ему положено там участвовать (в числе прямых обязанностей Суслова — надзор за Академией наук СССР и всеми учреждениями гуманитарных наук). Отсутствовал и Пономарев, который считается вторым после Суслова теоретиком по вопросам международного коммунизма.

Кардинальные проблемы, по которым идут идеологические споры в партийном руководстве: как быть дальше с Хельсинки; какую позицию занять в отношении еврокоммунизма? Линия догматиков ясна и последовательна: Хельсинки они считают лич-

ной ошибкой Брежнева, а еврокоммунизм — изобретением западных империалистов. Прагматики, наоборот, видят в Хельсинки единственную возможность поставить на службу коммунизму материальные ресурсы и технологические знания Запада. Наиболее выпукло, цитатой из Ленина, эту точку зрения обосновал новый президент Академии наук СССР, близкий к Брежневу человек, А.Александров: „От раздавленного капитализма сыт не будешь. Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества строить не можем” (Ленин, ПСС, т. 38, стр. 55; см. статью А.Александрова в журнале „Коммунист”, № 16, 1977, стр. 68).

Что же касается еврокоммунизма, то прагматики следуют здесь советам Ленина, которые он давал как раз западным коммунистам в „Детской болезни „левизны” в коммунизме”. Эти советы показывают, что, живи Ленин сегодня, он сам был бы первым еврокоммунистом. Приведем только два из этих советов: 1) „Надо уметь пойти на все и всякие жертвы, даже — в случае необходимости — на всяческие уловки, хитрости, нелегальные приемы, умолчания, сокрытие правды” (Ленин, Соч., 3-е изд., т. XXV, стр. 119); 2) „Надо соединять строжайшую преданность идеям коммунизма с умением пойти на все необходимые практические компромиссы („Исторический компромисс” Берлингуэра! — А.А.), лавирования, соглашательства, зигзаги, отступления” (Ленин, там же, стр. 231).

В своем докладе к столетию со дня рождения В.И.Ленина Брежнев сказал, что „Детская болезнь...” — „подлинная энциклопедия стратегии и тактики мирового коммунистического движения” (Ленин-

ским курсом, т. 2, 1970, стр. 560). Отказываясь на словах от пугающих формул „пролетарской революции” и „диктатуры пролетариата”, лидеры компартий Италии, Франции, Испании не отказываются от главного и решающего — от идей коммунизма. Следуя советам Ленина, они лишь лавируют, хитрят, отступают, чтобы тем вернее достигнуть стратегической цели — захвата власти и установления диктатуры партии. Совершая Октябрьскую революцию, Ленин ни разу не говорил, что он хочет „вести социализм” в России и установить „диктатуру партии”, но усевшись крепко в седло власти, он объявил то и другое. Более того. Ленин даже допускал возможность прихода к власти и „мирным путем”. Его лозунг „Вся власть Советам” (с апреля по июль 1917) и был рассчитан на приход к власти без восстания, через завоевание „парламентского” большинства в Советах. Восстание он поднял, когда это не удалось. Вот почему еврокоммунисты — более последовательные ленинцы, чем догматические сталинисты в Москве. Мне кажется, эту истину понял, после некоторых колебаний, и сам Брежнев. Вот его самое последнее рассуждение на этот счет: „Буржуазия — противник опытный. Она меняет тактику, маневрирует. Методами частичных реформ она пытается укрепить свои позиции, ослабить тягу масс к социализму. В этих условиях компартии стремятся усовершенствовать стратегию и тактику своей революционной борьбы. Они добиваются сплочения всех демократических сил в борьбе против господства монополий. *В их теоретических установках в связи с этим есть интересные положения, хотя, наверное, не все можно считать до конца отработанным и бесспорным. Это и понятно: поиск есть поиск. Важно только, чтобы он шел в правильном направлении*”

(„Коммунист” № 16, стр. 15; выделено мною. — А.А.).

Это есть условное признание новой стратегии и тактики европейских компартий, в отличие от бешеной кампании, которую ведут против нее суловцы. Как раз после окончания торжеств в связи с 60-летием Октября Суслов и Пономарев созвали так называемую Международную научно-теоретическую конференцию в составе второстепенных представителей компартий. В своей вступительной речи Суслов заявил, что история „подтвердила мысль Ленина о неизбежности повторения в международном масштабе основных черт Октябрьской революции” („Правда”, 11.11.77). То же самое повторил в своем докладе Пономарев: „Мы уверены, что жизнь подтверждает правильность коренных, неотъемлемых черт социалистической революции” (там же). Что это за „коренные, неотъемлемые черты”, Пономарев объяснял многократно: насильственная революция для захвата власти, слом старой государственной машины и установление диктатуры пролетариата (см. его доклад „О столетии Парижской коммуны” — „Правда”, 18.3.71). Разумеется, ни итальянцы, ни французы, ни тем более испанцы на пленарном заседании этой конференции слова не получили.

Как видим, для Суслова и Пономарева, в отличие от Брежнева, никаких „интересных положений” (да и каких-либо „поисков”) у еврокоммунистов нет: Ленин уже все „нашел”, и история целиком подтвердила верность и неприкосновенность советской модели социализма. В том же юбилейном номере „Коммуниста”, в котором напечатан цитированный выше доклад Брежнева, председатель итальянской компартии Луиджи Лонго призвал на помощь евро-

коммунистам Ленина, чтобы ответить Суслову и Пономареву: „Исторический опыт заставил нас осознать, насколько труден и сложен путь к социализму... В.И.Ленин, кстати, предвидел это: „Все нации придут к социализму, это неизбежно, но все придут не совсем одинаково... Нет ничего более убогого теоретически и более смешного практически, как „во имя исторического материализма” рисовать себе будущее в этом отношении одноцветной серой краской” (Ленин, ПСС, т. 30, стр. 123)”. И Лонго делает вывод: „Очень ценный в любом случае советский опыт... мог служить ориентиром, *но было бы очень трудно принять его за единственно возможную модель*” („Коммунист”, № 16, 1977 г., стр. 103-104; выделено мною. — А.А.).

Примирительный тон Брежнева и непримиримые выпады против еврокоммунизма Суслова и Пономарева можно было бы принять за тактическую игру с заранее распределенными ролями, если бы расхождения касались частных вопросов текущей политики. Однако речь идет о коренных вопросах стратегии и тактики не только европейского, но и всего мирового коммунистического движения. В таких случаях в Кремле в прятки не играют. Идеологическое брожение в Кремле совпало с приближающимся концом брежневского руководства, что, в свою очередь, может привести к общему кризису всего политического руководства. Ни на минуту нельзя сомневаться, что борьба за пост генерального секретаря ЦК уже началась. Причем началась при руководящем участии самого Брежнева. На ноябрьском пленуме ЦК (1978) Л.Брежнев предложил принять два решения, которые имеют прямое отношение к урегулированию его политического наследства. Одно решение касается состояния всего так называемого

„идеологического фронта” во главе с Сусловым. Создается впечатление, что „идеологический фронт” взят на прицел, чтобы готовить удар по его возглавителю. Мягкой по форме, но уничтожающей по содержанию была речь Л.Брежнева на этом пленуме как раз по вопросам идеологической работы партии. Инициатива постановки этого вопроса в таком широком объеме явно исходит от начальника „кабинета” Брежнева — Черненко, который давно старается сделать самого Брежнева единственным теоретиком партии, для чего необходимо, если не ликвидировать, то, по крайней мере, дезавуировать Суслова, как шефа-идеолога партии. Да и сам „стиль” постановки вопроса говорит о закулисных действиях „мастера писем” из низов, каким считают Черненко (на XXIII съезде в 1966 г., ссылаясь на „письма коммунистов”, организованных Черненко, Брежнев предложил переименовать „Президиум ЦК” снова в „Политбюро ЦК”).

Послушаем Брежнева: „Не так давно на Политбюро были рассмотрены поступившие в ЦК КПСС письма, посвященные вопросам идеологической работы... Во многих письмах подчеркивается, что здесь, как и в каждом деле, требования растут, задачи усложняются, и достигнутый уровень уже недостаточен. А недоработки, отставание в идеологической работе могут нанести большой вред. Мне кажется, что можно согласиться с такой постановкой вопроса” („Правда”, 28.XI.1978). Потом Брежнев подверг резкой критике не только идеологический аппарат партии, но и всю его текущую информационно-идеологическую продукцию: „Мы располагаем сильным, квалифицированным пропагандистским аппаратом. Но, к сожалению, аппарат этот не всегда используется эффективно. Ощущается недо-

статок принципиальных, крупных выступлений, затрагивающих назревшие проблемы хозяйственной и социальной жизни. Нередко газетным материалам, передачам по телевидению и радио не хватает убедительности и серьезных обобщений, они перегружены общими фразами, ничего не дающими ни уму, ни сердцу...” Критиковал Брежнев и международную тематику в советской пропаганде: „Пора сделать так, чтобы информация по международным делам была более оперативной, насыщенной конкретными фактами, а международные комментарии шли, как говорится, по горячим следам... Не повторение прописных истин, а глубокий, аргументированный анализ фактов международной жизни, — вот что нам нужно” (там же).

Чем вызвана эта критика против господствующей серой, нудной и всем надоевшей суловской жвачки в области идеологии и информации? Брежнев дал ответ, который не может оспаривать здравомыслящий наблюдатель: „Советский человек сейчас, как никогда раньше, политически грамотен и активен. Он законно предъявляет высокие требования к средствам массовой информации” (там же).

Брежнев сообщил пленуму, что Политбюро создало специальную комиссию, чтобы исследовать все эти вопросы и предложить соответствующие решения. Все симптомы говорят за то, что эта комиссия создает организационные предпосылки для ликвидации монополии Сулова на идеологическом фронте.

Другое решение, которое предложил Брежнев пленуму ЦК, прямо касается назначения им своего „кронпринца”. Здесь Л.Брежнев осрамил всех западных астрологов по кремлевским делам — все их расчеты и гадания насчет будущего наследника оказались беспочвенными. Л.Брежнев предложил пере-

вести из кандидатов в члены Политбюро начальника своего „Внутреннего кабинета“, секретаря ЦК К.У.Черненко. По официальному протоколу он занял сейчас пятое место в иерархии Политбюро, а фактически — второе место после Брежнева. Если это будет зависеть от воли Брежнева, то его наследником и должен быть Черненко, который сделал беспрецедентный в истории партии взлет карьеры в столь короткий срок — за неполных три года он стал из личного секретаря Брежнева сначала секретарем ЦК, потом кандидатом в члены Политбюро, теперь членом Политбюро, все еще оставаясь секретарем Брежнева. Для такой стремительной карьеры, кроме помощи Брежнева (впрочем, помощь была взаимная), надо было иметь нечто и свое личное — талант организатора, комбинатора, мастера власти плюс то, что на партийном языке называется „теоретической подкованностью“. В отношении первых качеств он счастливо дополняет своего патрона, в отношении партийной теории он превосходит Суслова (это почувствует каждый, кто сравнит начетничество в произведениях Суслова с творческой жилкой в произведениях Черненко о партийном строительстве).

Однако все сказанное совсем не означает, что вопрос о наследнике Брежнева уже решен положительно и в один прекрасный день Черненко займет кресло генсека. Совсем нет. Остаток пути к вершине власти у Черненко более крутой и потому более опасный. В этом вина и самого Брежнева. Как раз резким и неожиданным выдвижением своего протеже на вторую роль после себя Брежнев провоцирует обойденных соперников Черненко — и законных претендентов на кремлевский трон — на интриги, подвохи и продолжение глухой борьбы не только

против Черненко, но и против самого себя. Мне кажется, что первой жертвой этой борьбы и был Мазуров. Партийная элита прощает своим вождям все — высокомерие, оскорбление, жестокость, убийство, но не прощает выпадов против номенклатуры.